

Путешествия

Приключения

Фантастика

#

Проект писателя

Андрея Трушкина





Андрей Трушкин

ПАРАНОРМАЛЬНАЯ СЕМЕЙКА

Цидуля первая. Озеров из озера. Бой с тренером. Тенор и Бас.

– Помогите!

Ваня вздрогнул и чуть не выронил весло. Откуда мог донестись этот вопль, словно и не выкрикнутый кем-то, а будто всплывший в мозгу? Мальчишка посмотрел налево, где, упираясь в густо-синее, словно намалеванное гуашевой краской небо, стояли скалы. Камни были абсолютно безжизненны, если не считать цепких, выгоревших на солнце пучков травы, уместившихся в расселинах. Лишь около небольшого водопадика, искрящегося на солнце холодными тугими струями воды, трепетала на ветру небольшая рощица деревьев.

– Помогите!!

И снова от неожиданности Ваня дернулся, и весло в его руке стукнулось о борт спортивного каноэ. Кричали явно не с берега. Но тогда откуда же? Он внимательно осмотрел плоскую поверхность водохранилища из-за полного безветрия похожую на залитый льдом каток. Нигде не шли круги по воде, нигде не барахтался незадачливый купальщик. Вокруг опять стояла такая тишина, что Ваня отчетливо слышал, как с весла скатываются и звонко шлепают о поверхность озера капельки воды. Ваня покрепче ухватился левой рукой за верх весла, а правой стал подгрести под каноэ, чтоб быстрее развернуться. Однако и сзади не наблюдалось ничего странного. Гладкий, прибранный зеркальный стол воды, упирающийся в берег, небольшая отара летних домиков, сбившихся в кучу, и легкий дымок за деревьями, выдающий работу летней кухоньки.

Ваня облизал соленые от пота губы, поудобнее устроил левое колено на специальной подушечке, набитой пенопластовыми шариками, и уже занес весло над водой, как вопль раздался снова.

– Помогите!!!

Что за черт? Может быть, его разыгрывают? Такое вполне могло случиться. Хоть Ваня Озеров и отучился пять лет в спортивном интернате и мог там считать себя старожилом, но ни в одну из школьных компаний он не вписывался. Ну что тут поделать, если не находил





он особого удовольствия в том, чтобы тайком от тренера распить в пустом эллинге – месте, где хранятся лодки, бутылку портвейна? Или, прячась от директора школы в темном туалете, где предусмотрительно вывернута лампочка, торопливо затягиваться, кашляя и чихая, едкой сигаретой? Не то, что бы он был бирюком, зазнайкой или лопался от гордости по причине особого внимания женского пола, – нет, ничего этого не было. Просто Ваня вполне был способен, что называется, оторваться от коллектива. Озеров мог даже в отсутствии в прямой видимости тренера шкурить до седьмого пота днища байдарок и каноэ, драить полы в коридоре, в классе и туалете. Или в единственном числе прийти на урок истории, в то время как остальной класс наслаждался в ближайшем кафе мороженым. Естественно, что ни в классе, ни в школе Ваньку не любили. И скорее не из-за того, что он не участвовал в общих проказах, а просто-напросто завидовали. Не каждый человек его возраста способен проявлять самостоятельность, наплевав на выкрутасы и закидоны коллектива, если закидоны эти противоречили элементарному здравому смыслу.

Раньше Ванька от равнодушия класса не страдал. Были у него два верных друга, которых он защищал, не щадя кулаков и чужих челюстей. И друзья мигом давали в ухо тем, кто наезжал на Озерова. Но уже три месяца, как друзей забрали на сборы – готовиться к ответственным международным соревнованиям, а он, Ванька, остался здесь в одиночестве. Ну не дается ему спортивное каноэ, не дается, и все тут! Он даже норму кандидата в мастера спорта не может выполнить, когда другие раскатывают уже по Франциям и Италиям, ставя мировые рекорды на чемпионатах для юношества. Такими вот рекордсменами обещали стать и его друзья. Потому-то они и уехали, а Ванька остался – один на один со всей школой.

Тут-то и начались самые серьезные испытания. Задирал его каждый, кто только мог. И хотя Ванька не был слабачком, но и любого из его одноклассников хиленьким назвать было нельзя: все-таки все они были спортсмены и ребята здоровые. К тому же в последние годы в школе завелась манера нападать втроем, впятером и даже вдесятером на одного обидчика. И отбиться от превосходящих сил противника, увы, удавалось далеко не всегда. С тех пор, как уехали друзья, Озеров чувствовал себя затравленным зверем, ежеминутно ожидая подвоха одноклассников или других наиболее ретивых школьников.

Подвох мог состоять в стекле, аккуратно спрятанном кем-то в его куске мыла, в густо соленой каше, которую ехидненько приносил ему дежурный по кухне, в измазанном какой-нибудь дрянью весле, в кнопке, засунутой под стельку кроссовок или просто-напросто в





банальной драке в умывальной комнате, поводом для которой может послужить толчок под руку.

– Разыгрывают, гады! – решил Ванька. – Да как ловко: не поймешь, откуда и кричат! Будто с неба, в самом деле!

Мальчишка на всякий случай задрал голову вверх, но, как и следовало ожидать, кроме солнца, ничто на небе взывать о помощи не могло.

– Помогите!!!!

На этот раз призыв был такой силы, что Ваньке показалось - само озеро всколыхнулось. Значит, это кричат оттуда, снизу? Ванька прищурился и наклонился над водой в том месте, где от каноэ падала тень. Внизу он разглядел невероятную для непосвященных картину.

В голубовато-зеленой толще воды виднелись маленькие, словно карликовые японские деревца-бонсаи, дубы. Между деревьями тонкой ниткой плутала тропинка, разветвляясь, бежала к домикам, точно таким же, в каких жили они, спортсмены, на сборах.

Когда впервые, три года назад с открытием высокогорной спортивной базы, Озеров увидел здесь такую картину, у него от удивления глаза чуть не уехали на затылок. В кристально-чистой, словно по каплям процеженной через фильтр воде, можно было разглядеть целый городок, примостившийся на дне. Это была прямо-таки Атлантида!

Вечером тренер пояснил удивленным ребятам, что никакого чуда здесь нет. Просто по весне, когда в водохранилище накапливается много воды, один из туристических городков затапливают. Потом вода сходит, и в домиках снова можно жить. Тренер предупредил, что, проплывая над этим местом, нужно быть осторожным. Иногда деревянные постройки отрываются от фундамента и с шумом, словно киты, выскакивают на поверхность. Оказаться рядом во время такого всплытия совсем нежелательно...

– А вдруг там, в затопленном домике, остался какой-то человек? – пришла в голову Ваньке дикая мысль. – Могло же такое оказаться? А жив он еще потому, что где-то в углу комнаты застрял воздушный пузырь. Вот беда там и сидит, выбраться не может.

Даже при первом рассмотрении гипотеза не выдерживала критики. Но Ванька теперь был уверен, что слышанные им крики о помощи розыгрышем не были. Вот беда! И посоветоваться не с кем! Пока он доплывет до берега да найдет тренера, тот, внизу, может, и захлебнется. И никого из ребят, как назло, рядом нет! Все уплыли за мыс, и только Ванька застрял, потому что какая-то сволочь спрятала его подушку для колена в эллинге под кучей старого тряпья.





Ванька, аккуратно балансируя, потому что легкое спортивное каноэ перевернуть было проще простого, сбросил бейсболку, майку и стащил с ног кроссовки. Положив весло внутрь лодки, он осторожно распластался вдоль ее края и соскользнул в воду. По коже тут же побежали пупырышки: водичка в водохранилище теплотой не отличалась. Глубоко вздохнув, Ванька набрал в легкие побольше воздуха и, ловко перевернувшись в воде, ввинтился в нее скользким дельфином.

Прежде чем он смог доплыть до верхушки ближайшего дерева, пришлось сделать не менее восьми мощных гребков. Тут же заломило уши, и Ваньке пришлось потратить несколько драгоценных мгновений, чтобы зажать нос и, как выражаются аквалангисты, «продуть систему». Восстановив давление и уняв боль в ушных перепонках, Озеров, работая руками, продвигался к крыше ближайшего домика. Хватаясь за выступы в шифере, покрывавшем крышу, спустился вниз, к первому этажу. Ни рам, ни стекол в окне домика не было, и Ванька, извиваясь, нырнул в темный квадрат окна. Внутри было сумрачно и страшновато. По углам таились черные тени, и змеились уже неведь откуда взявшиеся буро-зеленые водоросли.

Быстро осмотревшись по сторонам, Ванька ничего подозрительного не заметил и ринулся через окно ко второму домику. Пару раз промахнувшись мимо дверной ручки (уж больно вода искажала перспективу), он, наконец, нашарил ее и дернул на себя изо всех сил. Но дверь не подавалась. Пришлось проплыть вдоль стены домика и проникнуть в него тем же самым путем: через окно.

Вообще-то пора уже было всплывать, но Ванька, сообразив, что второй раз заныривать на такую глубину будет гораздо сложнее, решил хотя бы мельком взглянуть на комнату второго домика. Здесь царила та же прозелень. Мелкие мальки, сверкнув на солнце спинками, ринулись прочь, и Ванька готов был уже всплывать, как заметил в самом углу комнаты нечто странное.

Организм подбирал последние остатки кислорода, и поэтому Озеров кинулся к предмету, не особенно рассуждая, что это, желая лишь рассмотреть его поближе.

Вокруг мягко пульсирующего шара-овала-квадрата-прямоугольника и треугольника одновременно носились, как заведенные, разноцветные искорки. Больше всего это походило на модель атома, нарисованного в учебнике физики. Ванька протянул руку к предмету и тут же ее отдернул, ощутив покалывание в кончиках пальцев.

– А вдруг эта штука под напряжением? – запоздало подумал он.





Он хотел было еще раз потрогать предмет, но тот таинственно исчез: рассыпался, растворился в воде. Почувствовав, что вот-вот начнет задыхаться, Ванька сделал кульбит в воде и помчался наверх, к спасительному воздуху. Запоздало он подумал о том, что надо бы глянуть вверх, чтобы не врезаться головой в днище собственного каноэ.

Озеров вылетел на поверхность озера пустой канистрой, пущенной со дна. Убрав со лба мокрые волосы, он огляделся, но своего каноэ не заметил. Зато рядом стояли две байдарки, в них сидели его заклятые враги.

- Ну точно, разыграли! – с раздражением подумал Ванька.

Но парни смотрели на Озерова почему-то не со злорадством, не с ехидством, не ржали, как бешеные мустанги и не показывали на него пальцем, словом, не делали ничего, что было положено делать ловким прощелыгам, одурачившим какого-нибудь недотепу. Они сидели в байдарках с совершенно ошарашенным видом, а один из спортсменов-старшекласников по прозвищу Гуня даже открыл от изумления рот.

– О-о-озеров? – наконец пролепетал Гуня. – Ты как это... из озера? Как Черномор! Гадом буду, со своими богатырями который...

Кажется, компания начинала приходить в себя, потому что за спиной у Ваньки послышался гогот.

– Черт! Черт! Черт! – ругал Озеров себя. – Конечно, за это время, пока я нырял, каноэ они уже угнали и где-нибудь спрятали. Придется добираться до берега вплавь.

– Ребята, да он, наверное, еле живой! – пробормотал кто-то. – Ну-ка, берись рукой за корму, сейчас мы тебя живо к берегу дотащим!

Удивляясь такому приступу доброты, Ванька ухватился за ближайшую байдарку, и та, словно крейсер на полных парах, понеслась к берегу.

– Спасибо! – выдавил из себя Озеров, нащупав ногами берег.

– Ты это, к тренеру бы зашел, – посоветовал ему Гуня.

– А где мое каноэ? – озираясь Ванька.

– В эллинге уже давно... – неуверенно, словно сквозь ком в горле, пролепетал Гуня.

– Что же, пойду проверю!

– А чего тут проверять? – пожал плечами Гуня, рассматривая Озерова как какую-нибудь диковину или изображение грудастой блондинки, скачанной по Интернету. – Я сам неделю назад твое каноэ туда отвел.





– Ну, начинаются подколки! – подумал Ванька и повернулся к Гуне спиной.

Идти до эллинга было недалеко. Жалко, что кругом все было усеяно мелкими острыми камешками, а Ванькины кроссовки остались в каноэ. Пританцовывая по горячей пыли, словно какой-нибудь балерун из авангардного театра, Озеров выбрался наконец на убитую тропинку и зашагал веселее.

Ну вот, теперь еще и перед тренером оправдываться за сегодняшнюю норму: и двадцать километров не отмахал. А ведь ему скоро сдавать очередной зачет! Провалится он и отчислят его из спортивной школы. Куда он тогда подастся!?

Податься Ваньке и в самом деле было некуда. Надежд на светлое чемпионское будущее он не подавал, так что в школе-интернате его держали, что называется, для балласта и никому он здесь нужен не был. Никто его не ждал и дома. Братьев и сестер у него не было, отца, вероятно, тоже. «Вероятно», потому что Ванька и сам толком не знал, жив отец или нет. Уже давно – лет шесть назад, ну да, с того самого времени, как он обосновался в интернате, отец ушел пить с какими-то забулдыгами да так и не вернулся: то ли напоролся на нож в пьяной драке и лежит теперь на дне реки с привязанной к ногам рельсой, то ли ударился в загул и бомжует теперь где-нибудь в Иркутске.

Мать у Ваньки была еще жива, но виделся он с ней редко. В последний раз это произошло два года назад. Ванька и раньше-то не любил приезжать домой. Видеть вечно пьяненькую мать было ему больно и стыдно, а в очередной раз наводить хоть какой-то порядок в разоренной квартире уж слишком хлопотно. Так что два года назад, когда мать, вернувшись с очередного сабантуя, назвала его Витенькой и прилегла спать прямо на пол в коридоре, Ванька понял, что и здесь он никому не нужен. Уж лучше было все лето торчать в интернате, помогать завхозу чинить забор, лачить каноэ и ремонтировать весла, чем препираться дома с пьяными хахалями матери, которых Ванька ненавидел и боялся невзначай кого-нибудь покалечить.

Вспоминая все эти невеселые события, Озеров в очередной раз грустно вздыхал, поправлял мокрые волосы и плелся к эллингу. Ну вот, наконец и лодочный сарай. Ванька потянул на себя покоробившуюся от влажности, несущейся изнутри, и жары – снаружи - дверь, вошел в темное помещение и полминутки потоптался у порога, чтобы глаза привыкли к темноте. Хотя здесь и болталась под потолком лампочка, света она почти не давала, так что приходилось после яркого солнца некоторое время адаптироваться. Наконец Ванька двинулся вперед, привычным жестом похлопывая по бокам лодки, разложенные в несколько этажей





по огромным стеллажам. А вот и его каноэ! Озеров легко узнал его по заштопанной дырке в днище, которую ему «удружил» неизвестный враг. Рука мальчишки прошла по теплому борту. Ванька погладил каноэ, словно это была не неодушевленная лодка, а живой, готовый сорваться с места резвый конь.

– Что за черт! – вдруг остановился на месте Ванька и зябко перебрал ногами. – Почему это борт у лодки абсолютно сухой? Его что, Гуня специально тряпкой вытирал?

Мальчишка подошел к середине каноэ, приподнял его на руках и заглянул внутрь. Никаких пятен от сырости он не заметил, хотя прекрасно помнил, что пару раз зацепил веслом воду, и та влетела в каноэ.

– Что за бред? – удивился Ванька, опуская лодку на место. – Они что, ее феном сушили?

– Да вот он здесь, в эллинге! – слышались с улицы голоса.

В дверном проеме Ванька рассмотрел кряжистую фигуру тренера и досадливо цыкнул зубом: ну сейчас начнется – норму не отработал, еще не кэмээс – кандидат в мастера спорта, а позволяет себе расслабляться, как старичок, и вообще, неизвестно, стоит ли оставлять таких спортсменов в интернате на будущий год.

Предчувствуя выволочку, Озеров глубоко вздохнул и оперся локтями о каноэ. Однако тренер ничего выговаривать мальчишке не стал. Раз! - и его кулак звезданул Ваньку по уху так, что тот брыкнулся на пол подстреленным оленем.

Не успел он прийти в себя от изумления, как тренер, дернув его за волосы, вlepил ему пощечину с другой стороны, от которой Ванька отлетел к лодкам и пребольно стукнулся о край каноэ головой.

– За что? – возмутился он. – За что, Владимир Ильич?

– Где шлялся? – набросился на него тренер. – Ты что себе позволяешь, шпендель?!

Зуботычины Ваньку не удивили. Тренеры довольно часто позволяли себе знания в головы учеников вбивать в буквальном смысле этого слова. Иначе с расшалившимися пацанами, многие из которых поигрывали вполне ощутимыми бугристыми мышцами, сладить было и нельзя. Так что никто на затрещины в интернате особенно не обижался. Но чудно было видеть тренера таким взведенным и... испуганным. Словно бы не он, Ванька, что-то набедокурил, а сам Владимир Ильич «отличился».

– Да что я такого сделал? – на всякий случай отступил мальчишка на шаг от тренера, поглядывая, каким бы путем лучше от него смыться.





– Ты где был целую неделю? – наступал на него тренер, сжимая небольшие угловатые кулаки. – Ты знаешь, что из-за тебя на меня дело собираются в милиции заводить?

– Дело? Какое дело заводи...? – нервно сглотнул окончание фразы Озеров. – Ничего я такого не сделал. Я каноэ и сам бы обратно привел, если бы ребята его не забрали.

– Парень, не финти! – предупредил его Владимир Ильич, по-прежнему наступая мелкими шажками.

Однако Ванька уже видел, что взбешенный Владимир Ильич начинает потихоньку успокаиваться. Багрово-фиолетовый цвет его лица превратился просто в красный, а костяшки на кулаках были уже не белыми, а нормального телесного цвета.

– Ты мне макароны на уши не вешай! – помахал перед лицом Ваньки уже не кулаком, а пальцем тренер. – Честно лучше признайся: девчонки тебя все эти дни прятали? Или в город убежал, а теперь вернулся?

– Да как я мог убежать? – сорвался на крик Ванька. – В плавках, что ли?

– Действительно, – процедил тренер и окинул взглядом фигурку подопечного ученика.

– Я только что из озера вылез. Вон Гуня меня видел.

– Видел, точно, – отозвался от входа в элинг бас Гуни. – На наших глазах вынырнул, Владимир Ильич. Может, он всю неделю, это... там, под водой просидел?

– Не говори глупостей, Гунькин! – отмахнулся от него тренер. – Ладно, разговор у нас будет долгий и серьезный, но не здесь, а на педсовете. Через полчаса в тренерской.

Тренерской комнатой называли небольшой деревянный домик, где днем преподаватели, переехавшие на время летних сборов в лагерь, песочили учеников, а вечером попивали вино и играли в карты. Озеров, обходя по касательной тренера, чтобы тот не оттянулся на нем еще разок, бросился прочь из элинга. На его удивление, никто из стоявших и притихших вдруг одноклассников не попытался у входа поставить ему подножку или толкнуть в спину. Массируя ноющую от удара левую скулу, Ванька подобрался к своему домику, вбежал в комнату и бросился к чемодану. Первым делом следовало переодеться. К его удивлению, все белье на кровати было смешано в кучу, а чемодан стоял открытым. Кому понадобилось рыться в его вещах? Уж любопытные-то одноклассники давным-давно знали перечень его собственности. Ванька пожал плечами, оглядел чемодан – не подстроено ли какой-нибудь гадости – и быстро переоделся, натянул джинсы, носки, ботинки, легкую светлую рубашку. По весьма «торжественному» случаю посещения тренерской даже пригладил волосы расческой.





Чувствуя в желудке неприятное, сосущее ощущение беды, Озеров вышел из домика и двинулся на расправу. Издалека за ним наблюдали несколько десятков заинтересованных глаз. Девчонки о чем-то шушукались, но никто не смеялся и Ваньку не подначивал.

– Что имел в виду тренер? – недоумевал Озеров, стучась в дверь экзекуторской. – Я не во все дни нормативы не сдавал, чего он так на меня взъелся? Может, ребята чего на меня накапали? Вообще, странная какая-то история! Как каноэ могло в эллинге оказаться сухим?

Не дождавшись разрешения войти, поскольку пребывал в глубокой задумчивости, Озеров перешагнул порог тренерской и закрыл за собой дверь, как бы отсекая всякую возможность вернуться после попыток в нормальный, цивилизованный мир. Местная инквизиция почти в полном составе сидела за длинным самодельным столом и не мигая смотрела на Озерова, как на какую-нибудь диковину из кунсткамеры.

– Ну вот! – воскликнула директриса школы, которая летний лагерь посещала с большой неохотой, а теперь по какой-то причине оказалась здесь. – Я же говорила, что он жив и здоров. Раз тело найдено не было, так и беспокоиться нечего! Сейчас напишем бумагу в милицию, чтобы прекратили следствие, а осенью этого фёрта из школы отчислим.

– Ну и слава богу, что так все обернулось! – вздохнул один из тренеров.

– Да, да, – прощбетала тренерша. – А то каждый утонувший бросает тень на нашу школу.

Ванька про себя изумился, как это утонувший может бросать тень куда бы то ни было, кроме дна, и хотел спросить, кто это утонул, но из горла его вылетело нечто иное:

– Что-то я не догоняю: какой-то базар не по понятиям идет. Будьте так любезны, объяснить мне, о чем вы тут базлаете, как хорьки запуганные!

– Ты как это с тренерами разговариваешь! – стал приподниматься со своего места Владимир Ильич, и Ванька с тревогой заметил, что лицо его снова становится багрово-фиолетовым. – Да мы тебя, щенка, целую неделю ищем! Чуть не все озеро пузом пропахали, до звона в ушах нанярялись, а он еще издевается! Да я щас тебя! – тут Владимир Ильич рванулся вперед так, что стул отлетел в сторону.

Ванька зажмурился, ожидая очередного удара, а потому не увидел одной из самых удивительных картин в своей жизни. Он сам, будто циркач, прошел по комнате колесом, и правая его нога со всего размаху стукнула тренера в грудь. Тренер отлетел в угол комнаты, увлекая за собой со стен плакаты в рамках, повествующие о противопожарной безопасности.





– Ты... Ты что себе позволяешь?! – привстала со своего места директриса, как только Ванька оказался на двух ногах и завертел кругом головой, пытаясь понять, отчего это Владимир Ильич так резво отпрыгнул от него спиной прямо в угол. – А ну, немедленно пиши объяснительную! – стукнула директриса кулаком по столу, схватила из небольшого пластмассового стаканчика ручку и придвинула в его сторону бумагу. – Хулиганье какое! Ну ничего, мы с тобой разберемся!

Как именно с ним разберутся, Ванька уже понял по тому, как переглянулись тренеры и с какими проклятиями выбирался из-под обломков Владимир Ильич. Как его угораздило заехать тренеру? Вот что значит заниматься спортом! Силища накачивается немереная!

Ванька горестно покачал головой: ну, теперь его уж точно из школы выпрут! Он присел на краешек старенького стула, обитого вытертым дерматином, обреченно взял ручку, придвинул к себе бумагу.

– Пиши! – вознесла над ним руку директриса, словно великая императрица Елизавета, диктующая Ломоносову оду о своем восхождении на престол. – Директору спортивной школы-интерната...

Ванька принялся выводить букву «Д», но ручка скользила по бумаге и никак не желала оставлять чернильный след.

– Не пишет! – пожаловался он директрисе.

– Возьми другую! – бросила та ему из пластмассового стаканчика новую ручку.

Ванька взял ее, старательно, но безрезультатно принялся выводить букву «Д».

– Чернила высохли!

– Ты что - издеваешься? – брызнула на него слюной директриса. – А ну дай сюда! – схватила она бумагу у мальчишки из-под руки и принялась чиркать по ней ручкой. – Странно: не пишет, – процедила она. – А вторая? И вторая не пишет.

– Еще бы! – вдруг сорвались с языка у Ваньки неизвестно кем подсказанные слова. – Я изменил молекулярную структуру этой бумажки.

– Кто это говорит? – испугался Ванька и вскочил со стула.

Тренеры переглянулись.

– Однако у него нервишки шалят. Может быть, ему у психиатра провериться? – неуверенно предложил Владимир Ильич, массируя себе грудь и с опаской поглядывая на ученика.

– А он всегда был не такой, как все, – хихикнула тренерша.





Директриса никакой реплики не подала, упорно пытаясь расписать уже третью ручку.

– Ну, раз ручки не пишут, я пошел? – предложил Ванька, мечтая поскорее оказаться за пределами тренерской-инквизиторской и разобраться, что же это в самом деле происходит у него с головой.

– Нет, мы еще с тобой не закончили! – недобро посмотрел на Ваньку второй тренер. Он явно оскорбился за Владимира Ильича, которого мальчишка поставил в угол, да еще таким непочтительным образом. – Вот я сейчас встану...

– Если ты сейчас встанешь, то ты у меня ляжешь! – вырвалась помимо воли у Ваньки новая фраза. – Я ведь бью всего два раза – один раз в лоб, а другой – по крышке гроба!

– Убью! – прохрипел тренер, намереваясь ринуться на ученика и вытрясти из него душу.

Но сделать он это не успел, потому что Ванька выбросил руку вперед, нацелив указательный палец на ножку стула, которая тут же и переломилась. Вместо того, чтобы броситься в бой, тренер плашмя, тяжелой жабой, упал на пол. От этого даже директриса перестала расписывать свои ручки и, открыв рот, пошла красными, размером с горошину, пятнами.

– Ну так если базар закончили, так я позволю все-таки себе откланяться? – процедил некто, вещающий из Ваньки.

– Да, да, – закивали тренеры и директриса. – Можешь идти, мальчик.

– Ага! Ну, покедова, будьте здоровы! – согласился Ванька и, толкнув дверь, выбежал на улицу.

– Ка... Ка... Как он это сделал? Вы заметили? – булькал горлом Владимир Ильич. – Ка... Как он наружу дверь открыл, когда она всю жизнь внутрь открывалась?!

Однако сам Ванька этой странности даже и не заметил. Его беспокоил другой вопрос: что же в самом деле с ним происходит? Может быть, он действительно съехал с катушек и ему нужно срочно обратиться к психиатру?

Да, события сегодняшнего дня определенно стоило обмозговать. Ванька двинулся по тропинке вверх – в скалы. Был у него там один укромный уголок, куда он частенько убегал и сидел часами: то наслаждался покоем, который навевали шуршание ветра вдали и домовитое жужжание каких-то насекомых; то смотрел на вечеряющее, набухающее звездами небо и гадал, есть ли там, в бездонной выси, хоть кто-нибудь, кто знает о существовании планеты Земля. Случалось Ваньке, перебирая свои мысли в этой маленькой, спрятанной от глаз





долинке, и всплакнуть злыми слезами, когда его в очередной раз доставали одноклассники или бил тренер, или когда вспоминал он свою жизнь и жизнь своей непутевой семьи.

Ванька привычно забрался на гладкий камень, на котором так удобно было сидеть, положив руку на высывающийся корень дерева, с успехом выполняющий роль подлокотника.

Что в конце концов происходит? Почему все смотрят на него, как на пугало огородное, вернувшееся с того света? Чего к нему привязался тренер? Может быть, мозги встали набекрень не у него, Ваньки, а у всего лагеря? Нырнул он, скажем, на глубину, а тут какой-то секретный ядерный взрыв – ба-бах! Вот им всем и кажется невесть что. Да как он мог отсутствовать в лагере целую неделю, когда он нырнул под воду максимум на три-четыре минуты? Он же не ихтиандр какой-нибудь, чтобы плавать у дна часами! С другой стороны, куда девалось его каноэ и почему он нашел его в эллинге с совершенно сухим днищем? Ведь не станут же ребята для того, чтобы его разыграть, подговаривать тренера изготавливать точную копию его каноэ? Нет, бред какой-то! Самым худшим в этом бреде было то, что Ванька понимал: теперь от него не отстанут, особенно после его выходов в тренерской. Будто бес его под руку подталкивал и за язык тянул. А потом как это он так ловко отправил Владимира Ильича в нокдаун? Он же не занимался годами ушу... А тренер – мужик здоровый!

Да, все это странно, очень странно.

Ванька закрыл глаза и втянул в себя смолистый солнечный запах туи. На секунду ему стало легче. И в самом деле, многие горести и напасти кажутся не такими ужасными, если сесть вот так на теплый камень и пить этот яркий, веселый воздух, словно чистую родниковую воду.

– Ничего, ничего! – успокаивал себя Ванька. – Логику пока еще никто не отменял. Как-то вся эта дребедень должна объясниться!

– Ну и долго мы будем пацану мозги крутить? – вдруг услышал он чей-то голос.

– Не знаю, мне кажется, он еще не совсем готов принять информацию.

Ванька резко открыл глаза и оглянулся. Никого! Что за наваждение? Он же сейчас ясно и четко слышал голоса. Нет, это не шизофрения. Шизофрения, насколько он знал, это когда у человека появляется раздвоение личности, а тут личностей явно было трое. Первую Ванька знал, как облупленную, поскольку ею он сам и являлся. Вторая личность с голосом грубым и басовитым живо напоминала ему нового русского «быка», который в годы молодости носил малиновый пиджак, теперь же сменил его на более приличный гардероб, но бандитские





дворовые замашки сменить не смог. Третья личность была похожа по голосу на сублильного, вежливого до приторности, но ехидного субъекта.

Ванька похлопал себя по карманам: может быть, ребята подложили ему диктофон? Ну, точно! Видимо, увидели, что он сюда заходит и решили разыграть его по новой.

Озеров встал коленями на свой камень, посмотрел кругом и даже для верности пошарил руками. Ничего и никого!

– Слышь, очкарик! – вдруг услышал он снова. – Надо пацану все рассказать, а то у него чайник сейчас закипит.

– Ну ладно, ладно! – сварливо ответили ему. – Раз вы так считаете!

– Да кто здесь в конце концов? – вскочил на ноги мальчишка и на всякий случай, сжав кулаки, принялся озираться.

– Ты, пацан, не туда смотришь! – буркнул первый голос. – Ты в себя загляни.

– В себя заглянуть он не может, – тут же поддел первого второй. – У него глаза не так устроены, чтобы в себя смотреть.

– Тише вы! – закричал вдруг озверевший Ванька. – Вы кто такие?

Он провел рукой по лицу, будто пытаясь стереть навязчивое видение. Дело было в том, что закричал он громко, но... мысленно - губы его не шевелились.

– Давай, профессор, объясняй, что ли! – зашептал первый голос.

– Нет, уж давайте лучше вы! По-прямому, по-рабоче-крестьянски!

– Ты чё лепишь, чё лепишь-то? – обиделся первый. – Какой я тебе рабочий и крестьян? Я ни лопаты, ни молотка никогда в жизни не держал. Давай уж лучше ты, гнилая интеллигенция!

«Гнилая интеллигенция», видимо, уступая напору, прокашлялась и вкрадчивым голосом, сюсюкая с Ванькой, как с малолетним ребенком, принялась объяснять:

– Видите ли, мы – это не мы. Мы – это Я.

– Кто Я? – набычился Озеров.

– Пока до конца объяснить я это не смогу. В вашем лексиконе нет соответствующих слов. Если говорить приближенно, то Я – аналог вашего... э... чуда-юда морского, пришельца-инопланетянина, путешественника тонких миров, звездного странника, звездолетчика, неопознанного летающего объекта, субстанции, потока заряженных частиц ну и так далее...

– Все ясно! – рухнул на камень Ванька. – Это я - ненормальный!

– Не ненормальный, – поправил его вежливый Тенор, – а аномальный.





– Ладно! – сложил руки ладонь к ладони и зажал их между коленями, чтобы они не тряслись, Ванька. – Допустим, ты чудо-юдо морское, Юрий Гагарин с планеты Глюк, тунгусский метеорит, грохнувшийся в Бермудский треугольник. А как ты в меня-то попал?

– Волею случая-с! – откликнулся Тенор. – Опять же сильно упрощая те события, которые со мной произошли, можно сказать, что со мной случилась катастрофа, и меня центробежной силой вселенной выбросило на вашу планету.

– Ага, значит ты все-таки пришелец, – решил Ванька. – И с какой же ты планеты?

– Я не с планеты, – досадливо процедил Тенор. – Я, как бы это яснее выразиться, – существо газообразное, что ли...

– А тот, второй? Тоже типа газа?

– Ыгы! – радостно гыкнул Бас. – Типа под газом всегда. Только ты, пацан, это, не мандражируй. Тебе просто очкарик все заумно объясняет. Короче, была заваруха, потом маленький бенц, ну и я типа откинулся на вашу планету у озера, где ты меня и нашел. Вот типа того...

– А! – вдруг вспомнил Ванька. – Маленький такой предмет непонятной геометрической формы, вокруг которого атомы шныряли.

– Во-во! – обрадовался Бас. – Усек, пенсне с панталонами, как с пацанами базлать надо? Вот он сразу во все и врубился.

– Не во все! – стал спорить Озеров. – Для начала я понял, что вас двое, но вы как бы один. Во-вторых, как бы пришельцы, но вроде бы и нет. В-третьих, а чё это вы такие разные? И лексикон у вас какой-то дурацкий.

– Ну, тут типа такая история закрутилась, – принялся втолковывать свою теорию Бас, но его перебил засидевшийся на вторых ролях Тенор:

– На дне озера нам, тебя, Ваня, пришлось ждать долгонько. А до этого тут отдыхали двое приятелей – друзья детства. Один из них, насколько я понял, профессор искусствоведения, второй назывался «новый русский». Хотя никакой он не новый, при сканировании его организма сразу было видно, что печень и почки у него уже износились. Просто это были единственные живые существа, которые находились в сканирующей зоне. Ну, вот я их, так сказать, и сосканировал, снял матрицы. Одной мне было мало, а двух – вполне достаточно. Так что за лексикончик и всякое прочее ты на меня не обижайся: что у вас здесь было, то я и скачал, претензии не ко мне.

